

тайный

архив

Филип
Стенхоп
Честерфилд

Письма к сыну

...Есть хорошая французская эпиграмма на смерть невежественного, ничтожного человека. Смысл ее в том, что сказать об этом человеке можно только одно: когда-то он жил, а теперь — умер.

Тайный архив

Филипп Честерфилд

**Письма к сыну.
Максимы. Характеры**

«Издательство АСТ»

1774, 1777

УДК 821.111-6
ББК 84(4Вел)-44

Честерфилд Ф. Д.

Письма к сыну. Максимум. Характеры / Ф. Д. Честерфилд —
«Издательство АСТ», 1774,1777 — (Тайный архив)

ISBN 978-5-17-118167-3

«Письма к сыну», написанные Честерфилдом для своего юного путешествующего сына, по сей день остаются применимыми к нашей жизни. Маленькие хитрости общения и большие премудрости этикета, приправленные сатирическим английским юмором – все это совсем не похоже на графское воспитание, от которого ожидаешь скучных отцовских наставлений.

УДК 821.111-6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-118167-3

© Честерфилд Ф. Д., 1774,1777
© Издательство АСТ, 1774,1777

Содержание

Письма к сыну	5
I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
VII	12
VIII	14
IX	16
X	17
XI	18
XII	19
XIII	22
XIV	25
XV	26
XVI	27
XVII	28
XVIII	30
XIX	31
XX	33
XXI	34
XXII	35
XXIII	37
XXIV	38
XXV	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Филип Дормер Стенхоп Честерфилд Письма к сыну. Максимы. Характеры

Письма к сыну

I

Тенбридж, 15 июля 1739 г.

Милый мой мальчик,

Спасибо тебе за то, что ты беспокоишься о моем здоровье; я бы уже давно дал о себе знать, но здесь на водах не очень-то хочется писать письма. Мне лучше с тех пор, как я здесь, и поэтому я остаюсь еще на месяц.

Синьор Дзамбони расточает мне через тебя больше похвал, чем я того стою. А ты постарайся заслужить все, что он говорит о тебе; помни, что всякая похвала, если она не заслужена, становится жестокой насмешкой и даже больше того – оскорблением и всего нагляднее обличает людские пороки и безрассудства. Это риторическая фигура, имя которой ирония: человек говорит прямо противоположное тому, что думает. И вместе с тем – это не ложь, ибо он ясно дает понять, что думает совсем не то, что говорит, а как раз наоборот. Например, если кто-нибудь хвалит отъявленного мошенника за его порядочность и неподкупную честность, а круглого дурака – за его способности и остроумие, – ирония совершенно очевидна и каждый легко поймет, что это не более как насмешка. Вообрази, что я стал бы превозносить тебя за то, что ты очень внимательно штудируешь свою книгу, и за то, что ты усвоил и помнишь до сих пор все, что когда-то учил, – неужели ты сразу бы не заметил моей иронии, не почувствовал, что я смеюсь над тобой? Поэтому когда тебя начинают за что-то превозносить, подумай хорошенько и реши, заслужил ты эту похвалу или нет; и если нет, то знай, что над тобой только издеваются и смеются; постарайся же в будущем быть достойным лучшего и сделать так, чтобы по отношению к тебе всякая ирония оказалась неуместной.

Передай от меня поклон м-ру Меттеру¹ и поблагодари его за письмо. Он пишет, что тебе снова предстоит взяться за латинскую и греческую грамматики; надеюсь, что к моему возвращению ты основательно их изучишь; но, если даже тебе это не удастся сделать, я все равно похвалю тебя за прилежание и память. Прощай.

II

20 ноября 1739 г.

Милый мой мальчик,

Ты занят историей Рима; надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно них нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния; она показывает нам, как во все времена чтили и уважали людей великих и добродетельных при жизни, а также какую славою их увенчало потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней. В истории Рима мы находим больше примеров благородства и великодушия, иначе говоря – величия души, чем в истории какой-либо другой страны. Там никого не удивляло, что консулы и диктаторы (а как ты знаешь, это были их главные правители) оставляли свой плуг, чтобы вести армии на врага, а потом, одержав победу, снова брались за плуг и доживали свои дни в скромном уединении, – уединении более славном, чем все предшествовавшие ему победы! Немало величайших людей древности умерло такими бедными, что хоронить их приходилось на государственный счет. Живя в крайней нужде, Курий тем не менее отказался от крупной суммы денег, которую ему хотели подарить самнитяне, ответив, что благо отнюдь не в том, чтобы иметь деньги самому, а лишь в том, чтобы иметь власть над теми, у кого они есть. Вот что об этом рассказывает Цицерон:

«Curio ad focum sedenti magnum auri pondus Samnites cum attulissent, repudiati ab eo sunt. Non enim aurum habere praeclarum sibi videri, sed iis, qui haberent aurum imperare»¹. Что же касается Фабриция², которому не раз доводилось командовать римскими армиями и всякий раз неизменно побеждать врагов, то приехавшие к нему люди увидели, как он, сидя у очага, ест обед из трав и корней, им же самим посаженных и выращенных в огороде. Сенека³ пишет: «Fabricius ad focum coenat illas ipsas radices, quas, in agro repurgando, triumphalis senex vulsit».²

Когда Сципион одержал победу в Испании, среди взятых в плен оказалась юная принцесса редкой красоты, которую, как ему сообщили, скоро должны были выдать замуж за одного ее знатного соотечественника. Он приказал, чтобы за ней ухаживали и заботились не хуже, чем в родном доме, а как только разыскал ее возлюбленного, отдал принцессу ему в жены, а деньги, которые отец ее прислал, чтобы выкупить дочь, присоединил к приданому. Валерий Максим говорит по этому поводу: «Eximiae formae virginem accersitis parentibus et sponso, inviolataru tradidit, et juvenis, et coelebs, et victor».³ Это был замечательный пример сдержанности, выдержки и великодушия, покоривший сердца всех жителей Испании, которые, как утверждает Ливий, говорили: «Venisse Diis simillimum juvenem, vincentem omnia, turn armis, turn benignitate, ac beneficiis».⁴

Таковы награды, неизменно венчающие добродетель; таковы характеры, которым ты должен подражать, если хочешь быть прославленным и добрым, а ведь это единственный путь прийти к счастью. Прощай.

¹ Когда Курию, сидевшему у очага, самнитяне принесли много золота, он отверг его, ибо считал, что самое славное – это иметь не золото, а власть над теми, у кого оно есть (лат.).

² Фабриций, этот увенчанный славой старец, ест возле очага корни, которые сам же выкопал из земли (лат.).

³ Девушку необычайной красоты неоскверненной отдал родителям, которых для этого вызвал к себе, и жениху, сам будучи юн и холост и оказавшись победителем (лат.).

⁴ Прибыл юноша, подобный богам, и покориł всех не только силой оружия, но и щедротами своими и благодеяниями (лат.).

III

Понедельник.

Милый мой мальчик,

Мне очень жаль, что я не получил вчера от м-ра Меттера тех сообщений о тебе, которых ждал с надеждой. Он тратит столько сил на занятия с тобой, что вполне заслужил, чтобы ты относился к ним внимательно и прилежно. К тому же теперь вот о тебе говорят как о мальчишке, знающем гораздо больше, чем все остальные, – до чего же будет стыдно потерять свое доброе имя и допустить, чтобы сверстники твои, которых ты оставил позади, опередили тебя. Тебе не хватает только внимания, ты быстро схватываешь, у тебя хорошая память; но если ты не сумеешь быть внимательным, часы, которые ты просидишь над книгой, будут выброшены на ветер. Подумай только, какой стыд и срам: иметь такие возможности учиться – и остаться невеждой. Человек невежественный ничтожен и достоин презрения; никто не хочет находиться в его обществе, о нем можно только сказать, что он живет, и ничего больше. Есть хорошая французская эпиграмма на смерть такого невежественного, ничтожного человека. Смысл ее в том, что сказать об этом человеке можно только одно: когда-то он жил, а теперь – умер. Вот эта эпиграмма, тебе нетрудно будет выучить ее наизусть:

Colas est mort de maladie,
Tu veux que j'en pleure le sort;
Que diable veux-tu que j'en die?
Colas vivait. Colas est mort.⁵

Постарайся не заслужить имени Колá, а я непременно буду называть тебя так, если ты не будешь хорошо учиться, и тогда эта кличка за тобой утвердится и все будут звать тебя Кола, а это много хуже, чем Шалун.

Ты читаешь сейчас «Древнюю историю» Роллена: ¹ пожалуйста, имей всегда при себе карты, когда читаешь; мне хочется, чтобы месье Пельнот показал тебе на картах все места, о которых написано в книге. Прощай.

⁵ Кола заболел и умер, ты хочешь, чтобы я оплакивал его судьбу. Но что же я могу сказать о нем? Кола жил. Кола умер (франц.).

IV

Суббота.

Милый мой мальчик,

Коль скоро ты хочешь, чтобы тебя называли полиглотом, надеюсь, что ты постарайся заслужить право на это имя, а для этого надо быть внимательным и прилежным. Должен тебе сказать, что слова «олух» или «Кола» звучат отнюдь не столь благородно, но помни также, что нет ничего смешнее, чем когда человека называют благородным именем, а люди вокруг знают, что он этого не заслужил. Например, было бы неприкрытой иронией назвать какого-нибудь безобразного парня Адонисом (который, как ты знаешь, был до того красив, что сама Венера в него влюбилась) или назвать какого-нибудь труса Александром, или невежду – полиглотом, ибо всякий легко догадается, что это – насмешка. И м-р Поп¹ очень верно замечает:

Мы хвалим дураков лишь смеха ради.

Вслед за поступками, которые заслуживают того, чтобы о них написать, ничто не приносит человеку столько чести и не доставляет ему столько удовольствия, как писать то, что заслуживает прочтения. Плиний Младший (ибо было два Плиния – дядя и племянник) говорит об этом так: «Equidem beatos puto, quibus Deorum munere datum est, aut facere scribenda, aut legenda scribere; beatissimos vero quibus utrumque».⁶

Пожалуйста, обрати внимание на свой греческий язык; ибо надо отлично знать греческий, чтобы быть по-настоящему образованным человеком, знать же латынь – не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий и не знать ее – стыд и срам. Не говорю уже о том, что, отлично изучив греческий, ты гораздо лучше сможешь разобраться в латыни, ведь множество латинских слов, в особенности технических, взяты из греческого. Под техническими словами понимаются слова, относящиеся к различным наукам и ремеслам: от греческого слова *technē*, означающего «искусство, ремесло», и *technicos*, что означает «принадлежащий к искусству, ремеслу». Вот почему словарь, разъясняющий термины, относящиеся к различным ремеслам, носит название *Lexicon Technicum*, или Словарь искусств и ремесел. Прощай.

⁶ Поистине считаю блаженными тех, кому милостью богов даровано либо делать то, что достойно написания, либо писать то, что достойно прочтения; блаженнейшими же – тех, кому даровано и то и другое (*лат.*).

V

Без даты.

Милый мой мальчик,

Посылаю еще несколько латинских корней, хоть и не очень уверен, что они так же придутся тебе по вкусу, как коренья, что растут в огороде; тем не менее, если ты серьезно займешься ими, они могут избавить тебя от больших неприятностей. Те немногие, которые ты получишь, разумеется, привлекут твое внимание и ко многим другим и дадут тебе возможность, зная корневую основу, путем сравнения изучить большинство производных и сложных слов. Тебе уже достаточно лет, чтобы сознательно относиться ко всему, что тебе приходится изучать, и ты даже не представляешь себе, сколько времени и труда ты сэкономишь, если будешь сознательно относиться к делу. Помни, что тебе очень скоро исполнится девять лет – возраст, в котором каждый мальчик должен уже немало всего знать, а в особенности – ты, чье воспитание потребовало таких усилий и такой заботы. Если же ты не оправдаешь возлагаемых на тебя надежд, то потеряешь свое доброе имя, а это – самое унижительное для человека благородного.

У каждого человека есть свои стремления, свое честолюбие, и он бывает огорчен, когда обманывается в своих ожиданиях; разница только в том, что у людей глупых само честолюбие тоже бывает глупым и устремлено не туда, куда следует, у людей же умных честолюбие законно и достойно всяческой похвалы. Например, если бы честолюбие какого-нибудь глупого мальчика твоего возраста сводилось к тому, чтобы хорошо одеваться и тратить деньги на разного рода сумасбродства, это, разумеется, не свидетельствовало бы о его достоинствах, а только о безрассудстве его родителей, готовых наряжать его как куклу и давать ему денег, чтобы этим его испортить. Умный же мальчик стремится превзойти своих сверстников, и даже тех, кто старше его, – как знаниями, так и нравственными своими качествами. Он горд тем, что всегда говорит правду, что расположен к людям и им сочувствует, что схватывает быстрее и учится старательнее, чем другие мальчики. Все это подлинные доказательства его внутреннего достоинства и, следовательно, достаточные основания для честолюбия; качества эти утверждают за ним хорошую репутацию и помогут ему выработать твердый характер. Все это в равной мере справедливо не только для детей, но и для взрослых: честолюбие глупца ограничивается стремлением иметь хороший выезд, хороший дом и хорошее платье – вещи, завести которые с таким же успехом может всякий, у кого много денег, ибо все это продается. Честолюбие же человека умного и порядочного заключается в том, чтобы выделиться среди других своим добрым именем и быть ценным за свои знания, правдивость и благородство, качества, которые нигде не могут быть куплены, а могут быть приобретены только тем, у кого ясная голова и доброе сердце. Таким было честолюбие лакедемона и римлян, когда они прославились больше всех остальных народов; таким, надеюсь, всегда будет и твое. Прощай.

VI

Среда.

Милый мой мальчик,

Ты так хорошо вел себя в воскресенье у м-ра Бодена, что тебя нельзя не похвалить. К тому же ты воодушевляешь меня на то, чтобы преподать тебе кое-какие правила вежливости и хорошего тона, и я уверен, что ты будешь их соблюдать. Знай же, что так же как образованность, благородство и честь совершенно необходимы для того, чтобы заслужить уважение и восхищение людей, вежливость и хорошие манеры не менее необходимы, чтобы сделаться желанным и приятным в беседах и в повседневной жизни. Выдающиеся достоинства, такие как честь, благородство, образованность и таланты, возвышают человека над большинством; люди, не обладающие этими достоинствами, не могут правильно оценить их в других. Но зато все люди ценят достоинства второстепенные, как-то учтивость, приветливость, обязательность, деликатное обхождение и умение себя вести, потому что они ощущают их благотворное действие, – встречаться с такими людьми в обществе бывает легко и приятно. Хорошие манеры во многих случаях должны диктоваться здравым смыслом; одни и те же действия, вполне корректные при определенных обстоятельствах и в отношении определенного лица, при других обстоятельствах и в отношении другого лица могут выглядеть совершенно иначе. Но есть некоторые общие правила хорошего воспитания, которые всегда и для всех случаев остаются в силе. Так, например, при любых обстоятельствах очень грубо звучат ответы «да» или «нет», если вслед за ними не следуют слова «сэр», «милорд» или «мадам», в зависимости от того, кем является ваш собеседник, точно так же, как, говоря по-французски, ты всякий раз должен добавлять слово: «месье», «милорд», «мадам» и «мадмуазель». Ты, разумеется, знаешь, что по-французски всякую замужнюю женщину называют «мадам», а всякую незамужнюю – «мадмуазель». Равным образом, надо быть очень невоспитанным человеком, чтобы оставить без внимания обращенный к тебе вопрос, или ответить на него невежливо, или уйти, или заняться чем-то другим, когда кто-то заговорил с тобой, ибо этим ты даешь людям понять, что презираешь их и считаешь ниже своего достоинства их выслушать, а тем более им ответить. Мне думается, я не должен говорить тебе, как невежливо занимать лучшее место в комнате или сразу же накидываться за столом на понравившееся тебе блюдо, не предложив прежде отведать его другим, как будто ты ни во что не ставишь тех, кто тебя окружает. Напротив, следует уделить им всемерное внимание. Надо не только уметь быть вежливым, что само по себе совершенно необходимо, высшие правила хорошего тона требуют еще, чтобы вежливость твоя была непринужденной и свидетельствовала о том, что ты истинный джентльмен. Здесь тебе следовало бы присмотреться к французам, которые достигли в этом отношении редкого совершенства и чья учтивость кажется столь же естественной и непринужденной, как и все их обхождение с людьми. Что же касается англичан, то манеры их часто бывают неуклюжи, и всякий раз, когда они стараются быть вежливыми, они до того стыдятся и робеют, что их непременно постигает неудача. Прошу тебя, никогда не стыдись поступать так, как должно: у тебя были бы все основания стыдиться, если бы ты оказался невежей, но чего ради тебе стыдиться своей вежливости? И почему бы тебе не говорить людям учтивые и приятные слова столь же легко и естественно, как ты бы спросил их, который час? Такого рода застенчивость – французы правильно называют ее *mauvaise honte*⁷ – очень характерна для английских остолопов: эти до смерти пугаются, когда к ним обращаются люди светские, а когда приходится отвечать им, краснеют, заикаются, бормочут что-то несуразное и действительно становятся смешными от одного только ни на чем не основанного страха, что над ними будут смеяться. А меж тем человек действительно вос-

⁷ Ложный стыд (франц.).

питанный, случись ему говорить даже со всеми королями мира, так же не стал бы волноваться и держался бы столь же непринужденно, как если бы он говорил с тобой.

Помни, что только человека вежливого и такого, у которого вежливость эта непринужденна (что, собственно говоря, и есть признак его хорошего воспитания), любят и хорошо принимают в обществе, что человек дурно воспитанный и грубый просто непереносим и всякое общество старается от него избавиться, и что человек застенчивый неминуемо становится смешон. Так как я уверен, что ты запомнишь все, что я говорю, и последуешь моему совету в жизни, я надеюсь, что, когда тебе исполнится девять лет, ты не только будешь лучшим учеником, но и самым воспитанным мальчиком среди своих сверстников в Англии. Прощай.

VII

Спа, 25 июля н. с. 1741 г.

Милый мой мальчик,

Я не раз напоминал тебе в моих прежних письмах об одной непререкаемой истине: только будучи человеком честным и благородным в самом строгом смысле слова, ты сможешь снискать уважение и признание окружающих тебя людей: только будучи человеком даровитым и ученым, ты сможешь вызвать в них восхищение и преклонение. Но для того чтобы заставить их полюбить себя, находить удовольствие в твоём обществе и искать сближения с тобой, в жизни совершенно необходимо обладать некими особыми второстепенными качествами. Из этих второстепенных качеств главное и самое необходимое – это хорошее воспитание, не только потому, что оно весьма важно само по себе, но также и потому, что придает особый блеск более высоким проявлениям ума и сердца.

О хорошем воспитании я часто писал тебе и раньше, поэтому здесь речь будет идти о дальнейшем определении его признаков, об умении легко и непринужденно держать себя в обществе, о надлежащей осанке, о том, чтобы ты не позволял себе кривляться, чтобы у тебя не было никаких нелепых выходок, дурных привычек и той неуклюжести, от которой несвободны многие очень неглупые и достойные люди. Хотя на первый взгляд вопрос о том, как вести себя в обществе, и может показаться сущим пустяком, он имеет весьма важное значение, когда цель твоя – понравиться кому-нибудь в частной жизни, и в особенности женщинам, которых тебе рано или поздно захочется расположить к себе. А я знавал немало людей, которые неуклюжестью своей сразу же внушали людям такое отвращение, что все достоинства их были потом перед ними бессильны. Хорошие же манеры располагают людей в твою пользу, привлекают их к тебе и вселяют в них желание полюбить тебя.

Неуклюжесть проистекает обычно от двух причин: либо от того, что человеку вовсе не приходилось бывать в светском обществе, либо от того, что, бывая в нем, он не проявил должного внимания к окружающему. О том, чтобы ввести тебя в хорошее общество, я позабочусь сам, ты же позаботься о том, чтобы внимательно наблюдать за тем, как люди себя там держат, и выработать, глядя на них, свои манеры. Для этого совершенно необходимо внимание, как оно необходимо и для всего остального: человек невнимательный негоден для жизни на этом свете. Стоит такому олуху войти в комнату, как шпага его легко может оказаться у него между ног, и он либо падает, либо, в лучшем случае, спотыкается. Исправив свою неловкость, он проходит вперед и умудряется занять как раз то место, где ему не следовало бы садиться; потом он роняет шляпу; поднимая ее, выпускает из рук трость, а когда нагибается за ней, то шляпа его падает снова; таким образом проходит добрых четверть часа, прежде чем он приведет себя в порядок. Начав пить чай или кофе, он неминуемо обожжет себе рот, уронит и разобьет либо блюдечко, либо чашку и прольет себе на штаны чай или кофе. За обедом неуклюжесть его становится особенно заметной, ибо он попадает в еще более трудное положение: то он держит нож, вилку и ложку совсем не так, как все остальные, то вдруг начинает есть с ножа и кажется, что вот-вот порежет себе язык и губы; то принимается ковырять вилкой в зубах или накладывать себе какое-нибудь блюдо ложкой, много раз побывавшей у него во рту. Разрезая мясо или птицу, он никогда не попадает на сустав и, тщетно силясь одолеть ножом кость, разбрызгивает соус на всех вокруг. Он непременно вымажется в супе и в жире, хоть салфетка его и просунута концом сквозь петлю камзола и щекочет ему подбородок. Начав пить, он обязательно раскашляется в стакан и окропит чаем соседей. Помимо всего прочего, он поражает всех своими странными манерами: он сопит, гримасничает, ковыряет в носу или сморкается, после чего так внимательно разглядывает носовой платок, что всем становится тошно. Когда руки его ничем не заняты, они ему явно мешают и он не знает куда их определить, меж тем они все время

пребывают в движении, непрестанно перемещаясь то от груди к коленям, то от колен к груди. Одежду свою он не умеет носить, да и вообще ничего не умеет делать по-человечески. Преступного, надо сказать, в этом ничего нет, но в обществе все это в высшей степени неприятно и смешно, и всякий, кто хочет нравиться, должен решительным образом этого избегать.

Я перечислил все, чего тебе не следует делать; теперь ты легко поймешь, как ты должен себя вести, и, если ты отнесешься с должным вниманием к манерам людей светских и много бывавших в обществе, все это станет для тебя естественным и привычным.

Существуют также неловкости речи, употребление слов и выражений, которых самым тщательным образом следовало бы избегать, коверканье языка, дурное произношение, всем надоевшие поговорки и избитые пословицы, свидетельства того, что человек привык бывать в низком и дурном обществе. В самом деле, если вместо того, чтобы сказать, что у людей бывают разные вкусы и у каждого человека свой, ты разрешишься пословицей и скажешь: «Всяк молодец на свой образец» или «У всякого скота своя пестрота», люди вообразят, что ты всю жизнь провел в обществе одних только горничных и лакеев.

Все дело здесь во внимании; без внимания нельзя ничего достичь: недостаток внимания есть не что иное, как недостаток мысли, иначе говоря – либо глупость, либо безумие. Тебе надлежит не только быть внимательным ко всему, что ты видишь, но и уметь быстро во всем разобраться: сразу же разглядеть всех находящихся в комнате людей, их движения, взгляды, вслушаться в их слова и при всем этом не впиваться в них глазами и не показывать вида, что их наблюдаешь. Эта способность быстро и незаметно разглядеть людей необычайно важна в жизни, и надо тщательно ее в себе развивать. Напротив, рассеянность, которая есть не что иное, как беспечность и недостаток внимания к тому, что происходит вокруг, делает человека до такой степени похожим на дурака или сумасшедшего, что я, право же, не вижу особой разницы между всеми тремя. У дурака никогда не было способности мыслить; сумасшедший потерял ее; а человек рассеянный на время тоже ее лишился.

Прощай! Следующее письмо ко мне адресуй в Париж на имя месье Шабера, банкира, и постарайся к моему возвращению добиться тех успехов, которых я от тебя жду.

VIII

Спа, 6 августа 1741 г.

Милый мой мальчик,

Меня очень обрадовали те несколько работ, которые ты прислал мне, и еще больше сопровождавшее их письмо м-ра Меттера, в котором он отзывается о тебе гораздо лучше, чем в предыдущем. *Laudari a laudato viro* ⁸ во все времена было стремлением благородным. Поощряй же в себе это стремление и умей и впредь заслужить похвалу человека, достойного похвалы. Пока ты будешь стараться этого достичь, ты получишь от меня все, что захочешь, а как только перестанешь, больше ничего уже не получишь.

Я рад, что ты понемногу начинаешь писать сочинения, это приучит тебя размышлять над некоторыми вопросами, а это не менее важно, чем читать соответственные книги; поэтому напиши мне, пожалуйста, что ты думаешь по поводу следующих слов:

Non sibi, sed toti genitum se credere mundo. ⁹

Слова эти взяты из характеристики, которую Лукан ¹ дает Катону.² По его словам, Катон считал, что создан не для себя одного, а для всего человечества. Так вот напиши мне, считаешь ли ты, что человек рожден на свет только для собственного удовольствия и выгоды или же он обязан что-то делать на благо общества, в котором живет, и вообще всего человечества. Совершенно очевидно, что каждый человек имеет известные преимущества от того, что живет в обществе, которых не имел бы, живи он один на целом свете. А раз так, то не значит ли это, что он в какой-то степени в долгу перед обществом? И не обязан ли он делать для других то, что они делают для него? Ты можешь написать мне об этом по-английски или по-латыни, как тебе захочется: для меня в этом случае имеют значение мысли твои, а никак не язык.

В последнем письме я предупреждал тебя относительно неприятной манеры держать себя и неловкостей, которые у многих входят в привычку с молодых лет из-за того, что в свое время родители их чего-то недосмотрели. От неловкостей этих они не могут отделаться и в старости. Таковы, например, несуразные движения, странные позы и неуклюжая осанка. Но есть также неуклюжесть духа, которой следует избегать, и при внимательном отношении это вполне возможно. Нельзя, например, путать или забывать имена и фамилии. Говорить о мистере «как бишь его», или о миссис «забыл, как звать», или «дай бог памяти» – значит быть человеком до последней степени невежливым и вульгарным. Не менее невежливо, обращаясь к людям, неверно их величать, например говорить «милорд» вместо «сэр» и «сэр» вместо «милорд». Очень неприятно и тягостно бывает слышать, когда человек начинает что-то рассказывать и, не будучи в состоянии довести свой рассказ до конца, где-нибудь на середине сбивается и, может быть, даже бывает вынужден признаться, что все остальное он позабыл. Во всем, что ты говоришь, следует быть чрезвычайно точным, ясным и определенным, иначе вместо того чтобы развлечь других или что-то им сообщить, ты только утомишь их и затуманишь им головы. Нельзя также забывать и о том, как ты говоришь и какой у тебя голос: есть люди, которые ухитряются говорить, почти не раскрывая рта, и их просто невозможно бывает понять; другие же говорят так быстро и так глотают при этом слова, что понять их не легче; одни привыкли говорить, так громко, как будто перед ними глухой, другие до того тихо, что вообще ничего не слышно. Подобные привычки неуместны и неприятны, и избавить от них может лишь пристальное к себе внимание. По ним всегда легко узнать людей, не получивших должного вос-

⁸ Добиться похвалы от человека, хвалимого другими (лат.).

⁹ Считать, что ты рожден не для себя одного, а для всех на свете (лат.).

питания. Ты даже не можешь себе представить, насколько важно держать в памяти все эти мелочи. Мне приходилось видеть немало людей с большими способностями, которых плохо принимали в обществе именно оттого, что этих-то второстепенных качеств у них не было, и других, которых, напротив, хорошо принимали только благодаря этим качествам, ибо то были люди, ни в каком отношении не примечательные.

IX

Бат, 28 июня 1742 г.

Милый мой мальчик,

Обещания твои очень меня радуют, а исполнение их, которого я от тебя жду, порадует меня еще больше. Ты несомненно знаешь, что нарушить свое слово – безрассудство, бесчестие, преступление. Это безрассудство, потому что тебе никто потом не поверит, и это бесчестие, а равно и преступление, потому что правдивость – первое требование религии и нравственности, и никто не подумает, что не выполняющий его человек вообще может обладать какими-либо другими хорошими качествами; поэтому он навлечет на себя ненависть и от него отвернутся люди и бог. Словом, я надеюсь, что во имя правды и чести ты будешь делать то, к чему, независимо от данного мне обещания, должны побуждать тебя гордость и твои собственные интересы, а именно стремиться превзойти остальных во всем, за что бы ты ни взялся.

Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я считал для себя позором, если другой мальчик выучил лучше меня урок или лучше меня умел играть в какую-нибудь игру. И я не знал ни минуты покоя, пока мне не удавалось превзойти моего соперника. Юлий Цезарь, славящийся благородной жадностью славы, не раз говорил, что предпочел бы быть первым в деревне, нежели вторым в Риме. Однажды он даже плакал, стоя перед статуей Александра Великого и раздумывая над тем, насколько в тридцать лет у Александра было больше славы, чем у него самого, в его уже почтенные годы. Такие чувства придают людям значительность; те, у кого их нет, проживут свой век безвестными, и люди будут их презирать, тогда как те, кто пытается превзойти всех, могут быть уверены, что уж во всяком случае превзойдут очень многих. Верный способ в чем бы то ни было преуспеть – это уделить этому предмету пристальное внимание, ничем от него не отвлекаясь, – тогда он потребует от тебя наполовину меньше времени. Долгое и кропотливое сиденье над книгами – удел людей тупых; человек способный занимается регулярно и схватывает все быстро. Теперь вот подумай, что тебе больше хочется: быть внимательным и прилежным в часы занятий и благодаря этому превзойти всех других мальчиков, хорошо зарекомендовать себя и выгадать гораздо больше свободного времени для игры или же заниматься кое-как, дать опередить себя тем, кто моложе тебя, чтобы они потом смеялись над тобою, как над тупицей, и совершенно не иметь времени для игры, потому что, могу тебя заверить, если ты не будешь учиться, играть тебе не придется. Каким же путем достигается совершенство, которого ты обещаешь добиться? Во-первых, надо исполнять свой долг перед богом и перед людьми, – без этого все, что бы ты ни делал, теряет свое значение; во-вторых, приобрести большие знания, без чего к тебе будут относиться с большим презрением, даже если ты будешь очень порядочным человеком; и, наконец, быть отлично воспитанным, без чего при всей своей порядочности и учености ты будешь человеком не только очень неприятным, но просто невыносимым.

Помни об этих трех задачах; преисполнись решимости добиться превосходства и в том, и в другом, и в третьем. В этом заключается все, что необходимо тебе и полезно и при жизни, и после смерти, и по мере того как ты будешь совершенствоваться в этом, будет расти моя любовь и нежность к тебе. Твой.

Х

Суббота.

Сэр,

Молва о вашей начитанности и других ваших блистательных талантах дошла до лорда Орери, и он выразил желание, чтобы вы приехали в воскресенье пообедать вместе с ним и с его сыном, лордом Бойлом; я ответил ему, что вы приедете.

К тому времени, как письмо мое до тебя дойдет, ты, вероятно, уже получишь это приглашение, но, если даже его и не будет, ты все равно должен пойти туда завтра между двумя и тремя и сказать, что ты пришел к лорду Бойлу, выполняя распоряжение милорда, переданное через меня. Так как из-за этого я буду лишен чести и удовольствия видеть тебя завтра у себя за обедом, я рассчитываю, что ты со мною позавтракаешь, и велю сварить тебе шоколад.

Возраст твой, жизненный опыт и знание света, казалось бы, избавляют меня от необходимости убеждать тебя, насколько хорошие манеры важны для всех людей. Тем не менее различные твои занятия – греческий и крикет, латынь и питч¹ – могут отвлечь тебя от этого предмета, поэтому я беру на себя смелость и напомнить тебе о нем, и пожелать, чтобы, будучи у лорда Орери, ты показал себя человеком воспитанным. Воспитанность – это единственное, что может расположить к тебе людей с первого взгляда, ибо для того чтобы распознать в тебе большие способности, нужно больше времени. Хорошее воспитание, как ты знаешь, заключается не в низких поклонах и соблюдении всех правил вежливости, но в непринужденном, учтивом и уважительном поведении. Поэтому, когда к тебе обращаются, ты должен отвечать приветливо, ты должен садиться на дальний конец стола если только тебя не пригласят сесть ближе, пить первый тост за здоровье хозяйки дома и лишь потом – за здоровье хозяина, не набрасываться на еду, не быть за столом неряхой, не сидеть, когда другие стоят: и надо, чтобы при этом у тебя был непринужденный вид, а не надутая кислая физиономия, какая бывает у людей, которые делают все с неохотой. Я отнюдь не имею в виду ту бессмысленную улыбку, которую мы видим у дураков, когда им хочется быть учтивыми, а живое, веселое выражение лица. Пожалуй, ничто не приобретается с таким трудом и ничто столь не важно, как хорошие манеры, которые не имеют ничего общего ни с натянутой церемонностью, ни с наглой развязностью, ни с нелепой застенчивостью. Некоторая доля сдержанности всегда бывает нужна, точно так же, как совершенно необходима известная степень твердости, внешне же человеку всегда подобает быть скромным: знание света и твои собственные наблюдения должны подсказать тебе – и они одни только могут это сделать, – сколько нужно того, другого и третьего.

Вчера я видел м-ра Фитцджералда, он очень тебя расхваливал: если ты и впредь окажешься достоин похвал, ты всегда будешь их получать. Прощай.

XI

Дублинский замок, 19 ноября 1743 г.

Милый мой мальчик,

Получил твоё сочинение, написанное в прошлую субботу, и очень им доволен. Я не знаю и ничего даже не слышал ни о каком м-ре Сент-Морисе, а молодой Пейн, которого я произвел в прапорщики, был как раз здесь, равно как и все, кого я упомянул, говоря о новых наборах.

Приближаются рождественские каникулы, и я направил к тебе месье Денуайе, чтобы он за это время обучил тебя танцам. Я хочу, чтобы ты особенное внимание обратил на изящные движения рук. К этому надо ещё добавить умение надеть шляпу и подать руку; собственно это и есть то небольшое, что должно составлять предмет внимания каждого джентльмена. Танцы сами по себе – занятие пустяшное и глупое, но это – одна из тех упрочившихся глупостей, в которых людям умным приходится иногда принимать участие, а коль скоро это так, то они должны делать все, что при этом положено, умело. И пусть у меня нет ни малейшего желания видеть тебя танцором, но раз уж ты все равно будешь танцевать, мне хотелось бы, чтобы ты танцевал хорошо, так же как хотелось бы, чтобы ты хорошо делал все. Как бы пустяшно ни было начатое тобой дело; но, коль скоро ты уже взялся за него, доводи его до совершенства. И я часто говорил тебе, что мне хочется, чтобы даже в питч и крикет ты играл лучше любого другого мальчика во всем Вестминстере. Например, забота о красоте одежды – большая глупость; и вместе с тем не меньшая глупость не уметь хорошо одеваться – так, как приличествует твоему званию и образу жизни. И это не только не унижает человеческого достоинства, а напротив, скорее утверждает его: быть одетым не хуже тех, кто тебя окружает; в данном случае различие между человеком здравомыслящим и хлыщом заключается в том, что хлыщ кичится своим платьем, а человек здравомыслящий потихоньку посмеивается над своей одеждой и вместе с тем знает, что не должен ею пренебрегать. Существует множество таких вот глупых обычаев в них нет ничего преступного, человек разумный должен с ними считаться и не терять из-за этого хорошего расположения духа. Диоген Киник ¹ поступал мудро, презирая их, но в то же время и глупо, позволяя себе это презрение высказывать. Постарайся быть умнее других, но никогда не давай им этого почувствовать.

Большое счастье для сэра Чарлза Хотема,² что он попал в руки такого, как ты, – по возрасту, жизненному опыту и знанию людей: убежден, что ты будешь неустанно заботиться о нем. Спокойной ночи.

XII

Бат, 4 октября ст. ст. 1746

Милый мой мальчик,

Хоть я и трачу много времени на писание тебе писем, должен признаться, меня часто одолевают сомнения, нужно ли все это. Я знаю, как обычно неприятны бывают советы, знаю, что те, кому они нужнее всего, менее всего любят их и менее всего им следуют, знаю я также и то, что, в частности, родительские советы всегда рассматриваются как старческое брюзжание, как желание непременно проявить свою власть или просто как свойственная этому возрасту болтливость. Но, с другой стороны, я смею думать, что собственный твой разум, хоть ты еще слишком молод для того, чтобы он мог чем-то выказать себя самостоятельно, достаточно силен, чтобы дать тебе возможность судить о вещах очевидных и принимать их. Так вот, я смею думать, что как ты ни молод, собственный твой разум подскажет тебе, что советы, которые я тебе даю, имеют в виду твои, и только твои, интересы, а следовательно, тебе по меньшей мере надлежит хорошо взвесить их и продумать; если ты это сделаешь, то, надеюсь, иные из них возымеют свое действие. Не думай, что я собираюсь что-то диктовать тебе по праву отца, я хочу только дать тебе совет как дал бы друг и притом друг снисходительный. Не бойся, что я буду препятствовать твоим развлечениям, — напротив, мне хотелось бы быть в этой области советчиком твоим, а отнюдь не цензором. Пусть же мой жизненный опыт восполнит недостаток твоего и очистит дорогу твоей юности от тех шипов и терний, которые ранили и уродовали меня в мои молодые годы. Поэтому ни одним словом я не хочу намекать на то, что ты целиком и полностью зависишь от меня, что каждый твой шиллинг ты получил от меня, а ни от кого другого и что иначе и быть не могло, а так как никакой женской мягкости по отношению к твоей персоне у меня нет, единственное, что может склонить меня на доброту, — это твои заслуги.

Повторяю, я отнюдь не хочу напоминать тебе об этом, ибо убежден, что ты будешь поступать как надлежит, движимый более благородными и великодушными побуждениями, т. е. во имя самой правоты и из чувства любви и благодарности ко мне.

Я так часто рекомендовал тебе внимание и прилежание во всем, чем бы ты ни занимался, что сейчас говорю об этих качествах не как о чем-то обязательном, а указываю тебе на них как на благоприятные, более того — как на совершенно необходимые для твоих удовольствий, ибо может ли быть большее удовольствие, чем иметь возможность всегда и во всем превзойти своих сверстников и товарищей. И равным образом, возможно ли придумать что-либо более унижительное, чем чувствовать себя превзойденным ими? В этом последнем случае ты должен испытывать больше сожаления и стыда, ибо всем известно, какое исключительное внимание было уделено твоему образованию и насколько у тебя было больше возможностей все узнать, чем у твоих сверстников. Я не ограничиваю цели рекомендуемого мною прилежания одним только намерением превзойти других и соперничеством с ними (хотя это — вполне ощутимое удовольствие и вполне законная гордость), но я имею в виду истинное преуспевание в самом деле, ибо, на мой взгляд, лучше вовсе ничего не знать в какой-либо области, чем знать только наполовину. Поверхностные знания не доставляют ни удовлетворения, ни чести, но зато часто принося; бесчестие или просто ставят нас в смешное положение.

Вкуси ключа Кастальского глубины:

Опасно что-то знать наполовину.¹ —

очень справедливо пишет м-р Поп.

То, что принято называть *верхоглядством*, неминуемо порождает самодовольных фатов. Последнее время я часто возвращаюсь к мысли о том, каким бы я был теперь несчастным чело-

веком, если бы смолоду не приобрел известный запас знаний и вкус к ним. Что бы я стал делать без этого с собою сейчас? Скорее всего, я, подобно большинству невежд, расшатал бы свое здоровье и растерял имевшиеся способности, употребив все вечера свои на пьяные кутежи; или же, легкомысленно растрачивая их на женскую болтовню, вызвал бы со стороны тех же самых женщин в ответ только презрение и насмешку. Или же, наконец, я повесился бы – а ведь один человек так когда-то и сделал, – оттого что устал надевать и снимать каждый день башмаки и чулки. Сейчас у меня остались мои книги, одни только мои книги, и каждый день подтверждает мне верность слов Цицерона о пользе образования: «*Haec studia adolescentiam alunt, – говорит он, – senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent; delectant domi, non impediunt foris; pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur*». ¹⁰

Я вовсе не собираюсь, утверждая это, исключать беседу из числа удовольствий, которыми мы наслаждаемся в пожилом возрасте: напротив, это очень большое и очень разумное удовольствие для всякого возраста, только беседа, которую ведут невежды, никак не может быть названа беседой, она не доставляет удовольствия даже им самим, они устают от собственной пустоты, им не хватает материала, который обеспечил бы их словами, необходимыми для поддержания разговора.

Поэтому позволь мне самым решительным образом посоветовать тебе, пока ты в силах это сделать, накопить значительный запас знаний: пусть даже тебе и не удастся применить большую часть их в беспутные годы молодости, ты, однако, можешь быть уверен, что настанет время, когда они понадобятся, чтобы тебя поддержать. Государственные амбары засыпаются зерном в урожайные годы: никто в точности не знает следующий ли, второй ли или третий по счету год будет неурожайным, но известно, что рано или поздно наступит год, когда зерна не будет хватать.

Больше я ничего не скажу; у тебя есть м-р Харт,² чтобы ты мог в этих мнениях утвердиться, у тебя есть разум, чтобы подкрепить искренность сказанного мною. Короче говоря: «У вас есть Моисей и пророки, если вы не поверите им, вы не поверите никому, пусть даже человек воскреснет из мертвых».

Не думай, что знания, приобрести которые я тебе так настоятельно советую, заключены в книгах, как бы приятны, полезны и необходимы эти знания ни были: я имею в виду настоящее знание людей, еще более необходимое, чем добытое тобой из книг. В самом деле, эти два вида знания взаимно дополняют друг друга, никто не в состоянии овладеть в совершенстве одним из них если он не владеет обоими. Знание людей приобретается только среди людей, а не в тиши кабинета. Его нельзя почерпнуть из одних лишь книг, но книги многое подскажут тебе, когда ты будешь наблюдать жизнь, и без них ты в ней многого не увидишь. А когда ты сопоставишь собственные наблюдения над людьми с вычитанным из книг, тебе легче будет доискаться до истины.

Для того, чтобы узнать людей, необходимо не меньше внимания и усердия чем для того, чтобы узнать книги, и, может быть, больше тонкости и проницательности. Я встречаю, например, немало пожилых людей, которые всю свою жизнь вращались в большом свете, но по причине крайнего легкомыслия своего и невнимательности знают о нем сейчас не больше, чем знали в пятнадцать лет. Поэтому не обольщайся надеждой, что ты сможешь приобрести это знание за пустою и праздною болтовней. Нет, ты должен проникнуть гораздо глубже. Ты должен не просто смотреть на людей, а внимательно в них всматриваться. Почти в каждом человеке с самого рождения заложены в какой-то степени все страсти, и вместе с тем у каждого человека преобладает какая-то одна, которой подчиняются все остальные. Ищи в каждом человеке эту

¹⁰ Эти вот занятия питают юношей, радуют стариков, украшают счастье, доставляют прибежище и утешают в несчастьях, улаживают дома, не мешают вне дома, проводят с нами ночи, сопровождают нас в странствиях и помогают в сельском труде (лат).

главенствующую над всем страсть, загляни в самые сокровенные уголки его сердца и понаблюдай за тем, как по-разному ведет себя одна и та же страсть в разных людях. А когда ты разгадал в каком-нибудь человеке эту главную страсть,³ помни, что никогда не следует доверять ему в том, что так или иначе эту страсть задевает. Умей использовать ее для того, чтобы на него повлиять, только, прошу тебя, будь настороже и помни о ней всегда, какими бы заверениями этот человек тебя ни обольщал.

Мне хотелось бы, чтобы ты прочел это письмо два раза, однако я сильно сомневаюсь, что и один раз ты дочитаешь его до конца. Не буду больше утруждать тебя сейчас, но к этому вопросу мы с тобою еще вернемся. Прощай!

Только что получил твое письмо из Шафхаузена:⁴ проставляя дату, ты забыл указать месяц.

XIII

Бат, 9 октября ст. ст. 1746 г.

Милый мой мальчик,

Твои невзгоды по дороге из Гейдельберга в Шафхаузен когда тебе пришлось спать на соломе, есть черный хлеб и когда сломался твой берлин,¹ – не что иное, как надлежащая подготовка к более значительным неприятностям и неудачам, которых следует ожидать во время путешествий; при наличии известной склонности к морализированию можно было бы назвать их примерами несчастных случайностей, препятствий и трудностей, которые каждый человек встречает на своем жизненном пути. В путешествии разум твой – это тот экипаж, который должен провезти тебя сквозь все, и в соответствии с тем, надежен он или нет, в хорошем он или плохом состоянии, путешествие твое окажется лучше или хуже, однако в пути твою тебя всегда могут подстергать какие-нибудь ухабистые проселочные дороги и захудалые гостиницы. Поэтому позаботься чтобы экипаж, обойтись без которого нельзя, был в самом лучшем состоянии, осматривай его и, что ни день, приводи в порядок и укрепляй его рессоры: каждому это по силам и каждый должен об этом заботиться сам: человек который этим пренебрегает, заслуживает того, чтобы почувствовать на себе все роковые последствия своего небрежения, и не приходится сомневаться, что рано или поздно их почувствует.

А *propos*,¹¹ о небрежении; кое-что об этом я еще должен тебе сказать. Как ты хорошо знаешь, я не раз говорил, что моя любовь к тебе – отнюдь не какое-нибудь мягкое женское чувство: она ни в какой степени не ослепляет меня, напротив, она делает меня особенно чутким к твоим недостаткам; указывать тебе на них – не только мое право, но и моя обязанность, твоя же обязанность – исправлять их, и это всегда будет в твоих интересах. Тщательно проверяя тебя. я до сих пор не обнаружил, слава богу, ничего дурного в твоём сердце и никаких особых пороков в твоём уме, но я нашел в тебе леность, невниманье и равнодушие, недостатки, простительные разве только старикам, которые на склоне жизни, когда телесные и духовные силы иссякают, могут иметь известное право на подобного рода инертность. У человека же молодого должно быть стремление блистать и быть всюду первым; он должен быть насторожен, деятелен и неутомим в поисках средств, чтобы этого добиться, как Цезарь, *nil actum reputans, si quid superesset agendum*.¹²

Тебе, по-видимому, не хватает той *vivida vis animi*,¹³ которая побуждает и подзадоривает большинство молодых людей нравиться, блистать, превосходить своих сверстников. Будь уверен, что без желания и без усилий, направленных на то, чтобы чем-то стать, ты ни при каких обстоятельствах ничем не станешь; точно так же, как без желания и внимания, необходимых, чтобы кому-то понравиться, ты никогда никому не понравишься. *Nullum numen abest, si sit prudentia*,¹⁴ безусловно справедливо в отношении всего, кроме поэзии, и я твердо убежден, что любой человек средних способностей может надлежащею работой над собой, усердием, вниманием и упорством сделаться всем, чем захочет, кроме как хорошим поэтом.

Твое будущее поприще – это огромный деловой мир; предмет, которым ты в настоящее время занят, – это дела, интересы, история, государственное устройство, обычаи и нравы различных стран Европы. Во всех этих предметах всякий человек средних способностей, при средней затрате сил, вне всякого сомнения, преуспеет. Историю как древнюю, так и новую, человеку внимательному изучить нетрудно. То же самое относится и к географии и хроно-

¹¹ Кстати (*франц.*).

¹² не считавший, что ты сделал дело, если надо еще что-то доделывать (*лат.*).

¹³ животворной силы души (*лат.*).

¹⁴ Ни одно божество не оставит тебя (без помощи), если ты сам будешь благоразумен (*лат.*).

логии; ни та, ни другая не требуют никакой особой находчивости, никаких исключительных дарований. Что же касается искусства говорить и писать ясно, правильно и к тому же изящно и легко, то ему, разумеется, надо учиться, вдумчиво читая лучших писателей и внимательно вслушиваясь в речь тех, кто более всего достоин нашего подражания. Вот те качества, которые особенно нужны тебе в избранной тобой области и которые ты, если захочешь, сможешь вырабатывать в себе. И говорю тебе прямо, я очень на тебя рассержусь, если ты этого не сделаешь; коль скоро у тебя есть все возможности, то надо воспользоваться ими, иначе виноват во всем будешь ты один.

Если старание и усердие необходимы для приобретения качеств, без которых ты никогда ничем не можешь стать и что-либо представлять собою в свете, то они не менее необходимы и для приобретения тех второстепенных качеств, которые делают человека приятным в обществе и желанным гостем. По правде говоря, все, что вообще-то стоит делать, стоит делать хорошо, а ты ничего не сможешь сделать хорошо, если не будешь внимателен. Поэтому необходимость быть внимательным я распространяю и на вещи ничтожнейшие, в том числе на танцы и на занятия туалетом. В силу сложившегося обычая танцы могут иногда стать для молодого человека необходимостью, поэтому, занимаясь ими, помни, что ты должен научиться хорошо танцевать и что даже в том, что само по себе смешно, смешным ты выглядеть не должен. То же самое относится и к одежде; одеваться необходимо, поэтому ты должен и к этому отнестись серьезно: не для того, чтобы соперничать с каким-нибудь щеголем или победить его, но для того, чтобы не выделяться из всех и не казаться поэтому смешным. Обрати самое серьезное внимание на то, чтобы одеваться так, как все уважающие себя люди твоего возраста оделись бы, идя туда, куда идешь ты, ничем не дав повода обсуждать свою одежду как чересчур небрежную или, напротив, чересчур изысканную.

Тот, кого принято называть человеком рассеянным, обычно либо человек очень слабый, либо же – очень чем-то увлеченный, но будь он тем или другим, я убежден, что в обществе он до крайности неприятен. Он то и дело попадает впросак; создается впечатление, что сегодня он уже не узнает людей, с которыми вчера был как будто накоротке. Он не принимает участия в общем разговоре, напротив того, время от времени вдруг начинает говорить что-то свое, как будто его только что разбудили. Это, как я уже сказал, – верный признак человека, или настолько слабого, что он не в состоянии одновременно удержать в сознании более одного предмета, или настолько чем-то увлеченного, что можно подумать, будто он целиком поглощен решением каких-то очень больших и важных задач и все мысли его направлены на них. У сэра Исаака Ньютона, м-ра Локка и, может быть, еще человек у пяти-шести с самого сотворения мира было право на рассеянность, проистекающую от крайней напряженности мысли, которой требовали их занятия. Но если молодой человек, и к тому же бывающий в свете, у которого нет таких отвлекающих от всего на свете дел, будет проявлять в обществе подобного рода рассеянность и считать себя вправе это делать, то это мнимое его право на рассеянность, создающее ему исключительное положение в обществе, обернется для него скорее всего тем, что он будет просто-напросто из этого общества исключен. Сколь бы пустой и легкомысленной ни была та или иная компания, коль скоро ты находишься в ней, не показывай людям своим невниманием к ним, что ты считаешь их пустыми; лучше будет, если ты настроишь себя на их лад и в какой-то степени примиришься с их слабостями, вместо того чтобы выказывать свое презрение к ним.

Презрение людям перенести всего тяжелее, и они очень неохотно его прощают. Им гораздо легче забыть любой причиненный им вред, нежели просто обиду. Поэтому если тебе больше хочется нравиться людям, нежели оскорблять их, хочется возбуждать в них любовь, а не ненависть, будь к ним всегда внимателен, памятуя, что у каждого человека есть свое маленькое самолюбие и этим вниманием ты всегда ему льстишь. Недостаток же внимания уязвляет его гордость и неминуемо вызывает в нем возмущение или по меньшей мере недоброжелатель-

ство. Например, у большинства людей (я бы даже сказал – у всех без исключения) есть свои слабости: к каким-то вещам они питают страсть, к другим – отвращение, поэтому, если бы ты вздумал смеяться над человеком за то, что он терпеть не может кошек или сыр (чего, к слову сказать, не выносят очень многие), или по невнимательности своей, и небрежности допустил, что человек этот натолкнулся на нечто для него неприятное и что ты мог предотвратить, он сочтет первое за обиду, а второе – за неуважение к себе и запомнит то и другое. Если же ты постарайся добыть для него то, что он любит, и избавить его от того, чего он не выносит, он почувствует, что ты во всяком случае к нему внимателен; самолюбие его будет польщено, и этим ты, может быть, больше приблизишь его к себе, чем какой-нибудь более важной услугой. Что же касается женщин, то здесь необходимо бывает оказывать и еще менее существенные знаки внимания и следовать в этом обычаям света, как этого всегда ждут от человека воспитанного.

Длинные письма, которые я так часто посылаю тебе, несколько не будучи уверен в том, что они возымеют свое действие, напоминают мне листки бумаги, которые ты еще недавно, – а я когда-то давно – пускал на ниточке к поднявшимся в воздух змеям. Мы звали их «курьерами»; иные из них ветер уносил прочь, другие рвались об веревку, и только немногие подымались вверх и прилеплялись к змею. Но сейчас, как и тогда, и буду доволен, если даже немногие из моих «курьеров» смогут прилепиться к тебе. Прощай.

XIV

Лондон, 2 декабря ст. ст. 1746 г.

Милый мой мальчик.

Новая должность, которую я занял,¹ не позволяет мне писать тебе ни так часто, ни так пространно, как я писал на прежней службе, где я пользовался гораздо большим досугом и свободой.² Но ты не должен судить о моей любви к тебе по количеству писем, и пусть их будет меньше, – могу заверить тебя, это отнюдь не значит, что любовь моя к тебе сколько-нибудь уменьшилась.

Только что получил твое письмо от 25 ноября н. ст., а с предыдущей почтой – еще и письмо от м-ра Харта; оба эти письма меня очень порадовали: письмо м-ра Харта – хорошим отзывом о тебе, твое же – точными сведениями по части интересующих меня вопросов. Пожалуйста, продолжи свои сообщения о том, как управляется страна, где ты сейчас живешь. Надеюсь, что до того, как ты покинешь ее, ты досконально изучишь этот вопрос. Холмистое расположение Лозанны представляет, по-видимому, большие удобства при такой холодной погоде: постоянно то взбираясь на гору, то спускаясь вниз, ты будешь согреваться и этим убережешь себя от простуды.

Ты пишешь, что в городе есть хорошее общество. Принят ли ты в нем? Завел ли новые знакомства и с кем? Назови хоть несколько фамилий. Занимаешься ли немецким; учишься ли читать, писать, разговаривать?

Вчера один из моих друзей показал мне письмо, полученное им от месье Боша – оно доставило мне огромное удовольствие тем, что автор его с такой похвалой отзывается о тебе. Среди прочих лестных вещей, которые месье Боша говорит о тебе, он упоминает о том, как ты был встревожен моей болезнью и сколько выказал трогательной заботы обо мне. Я признателен тебе за нее, хотя, вообще-то говоря, это твой долг. Чувство благодарности свойственно далеко не всем, и его никак нельзя назвать даже распространенным. Так как твоя любовь ко мне может проистекать только от твоего жизненного опыта и от убеждения в том, что я люблю тебя (ибо все разговоры о врожденной любви – сущий вздор), то взамен я хочу только одного и как рад того, что для тебя всего важнее: чтобы ты неизменно жил достойною жизнью и неуклонно стремился к знаниям. Прощай и будь уверен, что я всегда буду горячо любить тебя, если ты будешь заслуживать эту любовь, а если нет, тотчас же тебя разлюблю.

XV

Лондон, 9 декабря ст. ст. 1746 г.

Милый мой мальчик,

Хоть у меня и очень мало времени и хотя с этой же почтой я пишу м-ру Харту, я все-таки не могу отправить пакет в Лозанну не написав тебе несколько строк. Спасибо за поздравительное письмо написанное невзирая на боль, которую тебе пришлось при этом терпеть. Несчастная случайность, причинившая тебе эту боль, произошла как мне кажется, вследствие твоего легкомыслия, о котором я позволил себе не раз уже тебе писать. Пост, который я сейчас занял, несмотря на то что многие мечтают о нем и к нему стремятся, мне был в некотором роде навязан. Обстоятельства сложились так, что мне пришлось согласиться. Но я чувствую, что мне для этого нужно больше сил – как физических, так и духовных. Был бы ты года на три-четыре старше – ты бы разделил со мною мои труды, и я мог бы сделать тебя своим помощником. Однако я надеюсь, что ты так успешно будешь заниматься все ближайшие годы, что еще сумеешь быть мне полезным, если должность эта останется за мной до тех пор. Знание новых языков – умение правильно читать, писать и говорить на них, – знание законов различных стран и, в частности, государственного устройства, знание истории, географии и хронологии совершенно необходимы для того поприща, к которому я тебя всю жизнь стремился и стремлюсь подготовить. Обладая этими знаниями, ты сможешь сделаться моим преемником, хоть, может быть, и не непосредственным.

Надеюсь, что ты умеешь беречь свое время – а это ведь удастся очень немногим – и что ты используешь так или иначе каждую свободную минуту. Бывать в обществе, гулять, ездить верхом – все это, на мой взгляд, означает употреблять свое время с пользой, а при соответствующих обстоятельствах польза эта может оказаться немалой. Но что я никому никогда не прощаю, так это праздности и совершенного безделья, которые губят величайшую драгоценность – время, такое невосполнимое для тех, кто его теряет.

Познакомился ли ты с какими-нибудь лозаннскими дамами? И достаточно ли ты вежлив с ними, чтобы им было приятно находиться в твоём обществе?

Пора кончать. Да благословит тебя бог!

XVI

Лондон, 6 марта ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

Все, что бы ты ни делал, всегда будет меня волновать, радуя или огорчая. И сейчас вот мне огромное удовольствие доставили письма, полученные на днях из Лозанны, в которых речь идет о тебе, одно – от мадам Сен-Жермен, другое – от месье Пампиньи: оба они настолько хорошо говорят о тебе, что я счел себя обязанным, воздав должное и тебе, и им, сообщить тебе об этом. Люди, которые заслужили хорошие отзывы о себе, вправе узнать об этом – для них это будет наградой и поощрением. В обоих письмах говорится, что ты не только *décrotté*,¹⁵ но что ты достаточно хорошо воспитан и что от английской коросты – неловкой застенчивости, робости и грубости (которые, кстати сказать, у тебя были) – теперь мало что осталось. Всей душой этому радуюсь, ибо, как я тебе много раз говорил, эти, казалось бы второстепенные, качества – приветливость и приятность, отсутствие всякой натянутости, располагающие к себе манеры и обходительность – в действительности значат гораздо больше, чем это принято думать, особенно у нас, в Англии. У добродетели и у знания, как у золота, есть своя присущая ему ценность, но если их не шлифовать, то они, разумеется, утратят значительную часть своего блеска, а ведь даже хорошо начищенная латунь может на многих людей произвести больше впечатления, чем необработанное золото.

Сколько всяческих пороков французы прикрывают своим непринужденным, приятным и располагающим к себе обращением! Многим из них недостает обычного здравого смысла, многим – еще более обычных знаний, но в общем манерами своими они настолько восполняют эти свои недостатки, что порой их невозможно бывает обнаружить. Я часто говорил, да и продолжаю думать сейчас, что француз, сочетающий в себе высокие нравственные качества, добродетель, ученость и здравый смысл, с воспитанностью и хорошими манерами своей страны, являет пример совершенства человеческой природы. Этого совершенства ты можешь достичь и, надеюсь, достигнешь. Что такое добродетель, ты знаешь, – если ты захочешь, она у тебя будет; обладать ею – во власти каждого человека, и несчастен тот, у кого ее нет. Здравым смыслом тебя господь наградил. Учености у тебя достаточно, чтобы с течением времени приобрести все, что необходимо человеку. Со всеми этими качествами тебя рано вывели в свет, и ты будешь сам виноват, если не приобретешь там всех других знаний, необходимых, чтобы дополнить и украсить твой характер.

Ты хорошо сделаешь, если засвидетельствуешь свое почтение мадам Сен-Жермен и месье Пампиньи и скажешь им, как ты польщен их высоким мнением о тебе в тех письмах, которые, как тебе известно, они мне посылали.

Прощай! Умей и впредь заслужить подобные отзывы, и тогда ты не только заслужишь мою искреннюю любовь, но и почувствуешь ее на себе.

¹⁵ обтесался (франц.).

XVII

Лондон, 27 марта ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

Наслаждение – это тот риф, об который разбивается большинство молодых людей. Стремясь найти его, они пускаются в море на всех парусах, но у них нет компаса, чтобы направить свой путь, у них недостаточно разума, чтобы вести корабль по какому-нибудь верному курсу. Поэтому путешествие их вместо того, чтобы доставить им наслаждение, кончается для них мукою и позором. Не думай, что я собираюсь осуждать наслаждение, подобно ворчливому стоику, или, подобно какому-нибудь пастору, призывать от него отречься. Нет, я, напротив, хочу обратить на него твое внимание и рекомендовать его тебе, как истый эпикуреец. Я хочу, чтобы ты испил его сполна, и моя единственная цель – сделать так, чтобы ты в нем не обманулся.

Едва ли не каждый молодой человек превыше всего стремится стать *жизнелюбцем*; но чаще всего юноши принимают это понятие на веру и, вместо того чтобы сообразоваться со своими собственными вкусами и склонностями, слепо готовы почитать наслаждением то, что этим именем называют люди, с которыми они больше всего общаются. А в обычном смысле слова *жизнелюбец* – всего-навсего кутила, непробудный пьяница, заправский распутник и отчаянный сквернослов. Коль скоро это может оказаться полезным для тебя, я охотно признаюсь, как бы мне это ни было стыдно, что пороки моей юности проистекали не столько от моих естественных дурных склонностей сколько от глупого желания быть в представлении окружающих *жизнелюбцем*. Всю свою жизнь я ненавидел вино, и однако мне часто случалось выпивать; порою с отвращением, с неизбежно следовавшим за этим на другой день недомоганием, – и все только потому, что я считал, что умение пить – это необходимое качество для настоящего джентльмена и эпикурейца.

То же можно сказать и о карточной игре. Я не нуждался в деньгах, и, разумеется, мне никогда не случалось садиться за игру ради того, чтобы приобрести их. Но я считал, что игра – это второе необходимое качество *жизнелюбца*, и поэтому, начав с того, что стал предаваться ей без всякого желания, отказывался ради нее потом от множества настоящих удовольствий и загубил тридцать лучших лет своей жизни.

Я дошел даже одно время до такой нелепости, что научился сквернословить, дабы украсить и дополнить блистательную роль, которую мне хотелось играть, однако я вскоре же оставил это безрассудство, поняв, насколько всякое сквернословье порочно и непристойно.

Так вот, соблазненный модой и слепо предаваясь наслаждениям мнимым, я терял подлинные я расстроил свое состояние и расшатал здоровье – и этим, должен признаться, я понес заслуженное наказание за свои проступки.

Пусть же все это послужит тебе предостережением – умеи выбирать наслаждения сам и никому не позволяй их себе навязывать. Следуй природным своим побуждениям, а отнюдь не моде: положи на одну чашу весов всю ту радость, которую несут тебе наслаждения сегодняшнего часа, а на другую – то что неизбежно за ними следует, и, руководствуясь здравым смыслом, сделай свой выбор.

Доведись мне начать жизнь сначала и обладай я тем опытом который у меня сейчас есть, я бы наполнил эту жизнь подлинными, а не воображаемыми наслаждениями. Я бы сполна наслаждался яствами и вином, но уберег бы себя от страданий, связанных с избытком того и другого.

В двадцать лет я не сделался бы проповедником воздержания и трезвости; и я бы предоставил другим людям поступать как они хотят, не упрекая их за это и не читая им морали, но я бы твердо решил не вредить собственным способностям и не губить здоровья в угоду тем, кто не хочет беречь свои. Я бы стал играть, чтобы получить удовольствие, но не для того, чтобы испытывать страдания: иными словами, я бы стал играть по маленькой, в смешанном обществе,

чтобы развлечься и отдать дань существующему обычаю. Но я бы остерегся играть на такие суммы, которые в случае выигрыша все равно не принесли бы мне ничего хорошего, а в случае проигрыша поставили бы меня перед необходимостью платить долги, а после этого в чем-то себе отказывать. Не говорю уже о тех ссорах, которые обычно следуют за всякой крупной игрой.

Я стал бы посвящать часть моего времени чтению, а оставшиеся часы проводить в обществе людей умных и образованных и стараться больше находиться среди тех, кто выше меня. Я бы не пренебрегал и смешанным светским обществом, состоящим из мужчин и женщин. Пусть оно часто грешит легкомыслием, такое общество всегда освежает человека и дает ему отдых, что бесполезно, ибо при этом манеры наши смягчаются и приобретают известный блеск.

Таковы были бы мои удовольствия и развлечения если бы мне довелось прожить еще раз последние тридцать лет моей жизни; удовольствия эти разумны, и кроме того, должен тебе сказать, что они-то и есть истинно светские, ибо все прочее отнюдь не свойственно тем, кого я называю светскими людьми, а только тем, кто сами себя так называют. Неужели же хорошему обществу может быть приятно присутствие человека, напившегося до положения риз, или человека, который рвет на себе волосы и богохульствует, потому что проигрался в карты и ему нечем платить свой долг? Или же, наконец, распутника, который лишился половины носа и стал калекой, оттого что предавался низкому и постыдному разврату? Нет, тот, кто всем этим занимается, а тем более тот, кто способен еще этим хвастать, не вправе причислять себя к хорошему обществу, а если его и допускают туда порой, то всегда – с большой неохотой. По-настоящему светский человек и подлинный жизнелюбец соблюдает приличия и уж во всяком случае не перенимает чужих пороков и не старается пустить людям пыль в глаза, если же, на его несчастье, он сам одержим каким-то пороком, то он старается удовлетворить его с отменной осторожностью и втайне.

Я не упомянул о наслаждениях ума (которые весьма основательны и прочны), ибо они не подходят под категорию того, что принято называть наслаждением; люди, должно быть, считают, что само слово «наслаждение» относится всецело к области чувств. Наслаждение добродетелью, милосердием и знаниями – это подлинное и непреходящее наслаждение, и я надеюсь, что ты познаешь его всерьез и надолго. Прощай.

XVIII

Лондон, 3 апреля ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

Если все, что мне сообщили, правда, то я пишу сейчас это письмо настоящему джентльмену, облаченному в пурпуровый кафтан, отделанный золотым галуном, парчовый камзол и прочие подобающие одежды. В силу естественного пристрастия, которое каждый автор питает к своим творениям, мне радостно узнать, что м-р Харт считает последнее мое издание достойным столь изящного переплета, а так как переплет этот красного цвета и он не забыл даже сделать золотые тиснения на корешке, то, надеюсь, он позаботится и о том, чтобы, увидев его, можно было заключить и о содержании. Роскошный переплет привлекает взгляды и возбуждает внимание каждого, и дело только в том, что женщины и иные мужчины, которые мало чем от них отличаются, интересуются больше переплетом, чем самой книгой, тогда как люди умные и ученые тотчас же заглядывают вовнутрь и, если обнаружат, что содержание книги не соответствует внешности, с великим негодованием и презрением ее отбрасывают. Надеюсь, что, когда люди откроют и прочтут это издание моих сочинений, самые строгие судьи обнаружат, что оно написано стройно, последовательно, основательно, живо и умно. М-р Харт может *recensere*¹⁶ и *emendare*¹⁷ столько, сколько ему угодно, но он немногого добьется, если сам ты в этом ему не поможешь. Творение окажется несовершенным.

Спасибо тебе за сообщение о наших успехах на Средиземном море:¹ ты очень верно замечаешь, что статс-секретарь должен быть обо всем хорошо осведомлен. Поэтому я надеюсь, что ты позаботишься о том, чтобы у меня были все необходимые сведения. Ты близок к совершающимся в Италии событиям, и я не сомневаюсь, что ты часто разглядываешь карту и поэтому отлично представляешь себе весь театр военных действий.

Мне понравилось твое описание соляных копей² – оно свидетельствует о том, что, когда ты их осматривал, ты отнесся к этому со вниманием. Однако, невзирая на то, что по-твоему швейцарская соль очень хороша, я все-таки склонен думать, что ей не сравниться с настоящей аттической солью,³ в которой были совершенно особые острота и тонкость. Аттическую соль употребляли во всей Греции, за исключением Беотии, и впоследствии ее принялись в больших количествах вывозить в Рим, где стали примешивать некое вещество, называемое светскостью, и состав этот одно время почти достиг совершенства настоящей аттической соли. Чем больше ты впитаешь в себя оба эти вида соли, тем лучше ты сохранишь себя и тем больше тебя будут ценить.

Прощай. Мое почтение м-ру Харту и м-ру Элиоту.⁴

¹⁶ критиковать (*лат.*).

¹⁷ исправлять (*лат.*).

XIX

Лондон, 14 апреля ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

Если сознание, что ты поступаешь хорошо, приносит тебе хотя бы половину того удовольствия, которое я испытываю сейчас, получив от м-ра Харта приятное известие о тебе, мне вряд ли явится необходимость наставлять тебя и уговаривать что-то делать. Хорошие поступки ты будешь совершать уже потому, что тебе захочется удовлетворить свои желания и собственное свое самолюбие. М-р Харт пишет мне, что ты внимателен и усерден в своих занятиях и что, чем больше ты в них вникаешь, тем они больше тебе нравятся. Удовольствие, которое ты испытываешь сейчас, будет все возрастать и идти в ногу с твоим вниманием, так что соотношение того и другого неизменно будет в твою пользу.

Ты должен помнить, что я всегда настоятельно советовал тебе делать свое дело, каким бы оно ни было, и только его, и ни за что другое в это время не браться. Не думай только, что это должно означать для тебя – засесть за книгу и корпеть над ней целый день. Отнюдь. Я хочу, чтобы у тебя были также и удовольствия и чтобы, когда дело дойдет до них, ты и на них сумел бы сосредоточиться так же безраздельно, как и на занятиях. Если же ты не сумеешь уделить должное внимание и тому и другому, ни то ни другое не принесет тебе ни удовлетворения, ни успеха. Человек, который не способен овладеть своим вниманием и направить его на нужный предмет, изгнав на это время все остальные мысли, или который просто не дает себе труда об этом позаботиться, негоден ни для дела, ни для удовольствия. Если где-нибудь на балу, за ужином, в веселой компании человек принялся бы решать в уме геометрическую задачу, он оказался бы очень неинтересным собеседником и представлял бы собою в обществе жалкое зрелище. А если в часы, посвященные геометрии, мысли его клонились бы к менюэту, то, думается, математик бы из него вышел неважный. День велик, и его хватит на все, если одновременно ты бываешь занят чем-то одним, и вместе с тем целого года тебе ни на что не хватит, если ты будешь делать два дела сразу.

Председатель де Витт,¹ которого в 1672 г. разорвали в клочья, вершил всеми делами Республики, и, однако, у него оставалось время бывать по вечерам на ассамблеях и ужинать в компании. Когда его спросили, как это ему удастся справляться с таким множеством дел и еще развлекаться по вечерам, он ответил: «Нет ничего проще: надо только всегда делать что-то одно и никогда не откладывать на завтра то, что может быть сделано сегодня». Такое вот пристальное и всегда сосредоточенное на чем-то одном внимание – верный признак человека незаурядного, тогда как спешка, волнение и суетливость – характерные черты человека легкомысленного и слабого. Читая Горация, думай о том, как верны его мысли, как совершенен его стиль, сколько красоты в его стихах, и не вспоминай «De homine et cive»¹⁸ Пуффендорфа.² Читая же Пуффендорфа, не думай о госпоже де Сен-Жермен, а когда тебе доведется разговаривать с этой дамой, начисто позабудь о Пуффендорфе.

М-р Харт пишет, что возместил тебе часть денег, истраченных в Германии, и я даю свое согласие на то, чтобы он возместил их все, ибо знаю теперь, что ты этого заслужил. Я ничего для тебя не пожалею, и у тебя не будет недостатка ни в чем, если только ты этого заслужишь: поэтому знай, что в твоей власти иметь все, что ты захочешь.

Есть одна книжечка, которую ты читал здесь с месье Кодерком, называется она «Manière de bien penser dans les ouvrages d'esprit»;¹⁹ автор ее – отец Буур.³ Мне хочется, чтобы ты перечел

¹⁸ «О человеке и гражданине» (лат.).

¹⁹ «О верности хода мысли в творениях ума» (франц.).

ее еще раз в часы досуга: она не только развлечет тебя, но также разовьет в тебе вкус и направит мысли твои по правильному пути. Прощай!

XX

Лондон, 30 июня ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

Мне было очень приятно узнать из твоего последнего письма о хорошем приеме, который был оказан тебе во время твоей поездки по Швейцарии. С этой же почтой я отправляю письма м-ру Бернаби и городскому старшине, где я благодарю их за все, что они для тебя сделали. Если внимание, которое ты там встретил, пришлось тебе по душе, а я смею думать, что это так, надеюсь, ты сделаешь из этого общий вывод – что знаки внимания и учтивости приятны всем, кто их получает, и что чем более внимателен ты будешь к людям и учтив с ними, тем больше ты сумеешь расположить их к себе.

Есть «Путешествие по Швейцарии», написанное епископом Бернетом,¹ а лучшая книга об этой стране и ее тринадцати кантонах принадлежит м-ру Стэнъену, который долго там жил. Но я склонен думать, что ни ту, ни другую книгу никто уже не будет читать, после того как ты напишешь обо всем, что видел в этой стране. Надеюсь, что один из первых экземпляров своей книги ты подаришь мне. Я, разумеется, шучу, но пусть я и далек от мысли, что ты сразу сделаешься писателем и рассказ о твоих путешествиях все будут читать, мне все же хочется, чтобы куда бы ты ни поехал, ты был так любознателен и пытлив, как если бы на самом деле собирался писать книгу.

Я вовсе не думаю, что тебе непременно надо стараться узнать, сколько где домов, выяснять количество жителей, вывесок и могильных плит в каждом городе, через который ты проезжаешь. Но все же надо, чтобы ты установил, насколько это окажется возможным, за то время, которое ты проведешь в том или ином городе, вольный ли это город, а если нет, то кем и каким образом он управляется, есть ли в этом городе какие-либо особые привилегии или обычаи, какие там развиты ремесла и какая торговля и прочие подробности, которые людям умным интересно бывает знать. И совсем не худо, если ты будешь заносить все эти сведения в свою записную книжку, – такого рода записи послужат подспорьем для твоей памяти. Единственный способ все разузнать – это вращаться в самом лучшем обществе, которое лучше всего может осведомить тебя о том, что тебя интересует.

Меня сейчас вызывают, поэтому спокойной ночи!

XXI

Лондон, 20 июля ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

В письме твоей матери,¹ вложенном в этот конверт, ты найдешь еще одно письмо – от моей сестры,² в котором она благодарит тебя за посланную ей примочку – она очень ей помогает. Сестра не показала мне своего письма и только заверила меня, что шлет тебе добрые пожелания и дает разумные советы. А так как я знаю, что твой ответ она всем будет показывать, посылаю тебе образчик письма, какое мне хотелось, чтобы она от тебя получила. Надеюсь, ты не обидишься на меня за то, что я предлагаю тебе в этом деле свою помощь, я решаюсь сделать это потому, что, как мне кажется, у тебя нет еще достаточного навыка писать письма дамам.

Кстати, по поводу писания писем, – лучшие образцы, которым тебе следовало бы подражать, это – Цицерон, кардинал д’Осса,³ госпожа де Севинье⁴ и граф Бюсси-Рабютен.⁵ Письма Цицерона к Аттику⁶ и к близким друзьям – это лучшие примеры писем дружеских и доверительных. Простота и ясность писем кардинала д’Осса – пример того, как следует писать деловые письма: никакие изысканные обороты, никакие попытки острить не затемняют и не затрудняют смысла того, что он хочет сказать; все изложено ясно и четко, по-деловому. Что же касается писем веселых и развлекательных, то по *enjouement*²⁰ и *badinage*²¹ ничто не может сравниться с письмами графа Бюсси и госпожи де Севинье. Они написаны таким живым языком, что кажутся скорее непринужденным разговором двух остроумных людей, нежели письмами; письма свои люди ведь привыкли тщательно продумывать, хотя, вообще-то говоря, этого не следовало бы делать. Я бы посоветовал тебе иметь эту книгу в своей походной библиотеке; она одновременно и развлечет тебя, и снабдит полезными сведениями.

Писать мне сейчас некогда, поэтому спокойной ночи!

²⁰ веселью (*франц.*).

²¹ забавности (*франц.*).

XXII

Лондон, 30 июля ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

Четыре раза уже приходила почта и – ни одного письма, ни от тебя, ни от м-ра Харта. Я приписываю это тому, что ты очень часто переезжаешь в Швейцарии из одного места в другое. Надеюсь, что теперь ты уже обосновался где-нибудь более прочно.

В последних моих письмах – к тебе и к м-ру Харту – я писал, что ко дню Михаила-архангела тебе надо быть в Лейпциге, где ты будешь жить в доме профессора Мэско¹ и находиться на пансионе в одном из ближайших домов вместе с еще несколькими молодыми людьми твоего круга. Профессор прочтет тебе лекции о *De jure belli et pacis*^{22a} Гроция,² «Институциях» Юстиниана³ и *Jus publicum Imperii*,²³ и я надеюсь, что ты не только прослушаешь их, но и внимательно вникнешь в суть дела и все запомнишь. Я полагаю также, что ты в совершенстве овладеешь немецким языком, что, если только ты захочешь, ты сможешь сделать за очень короткое время. Должен тебя предупредить, что в Лейпциге у меня будет добрая сотня шпионов, которые будут невидимо за тобою следить и доставят мне точные сведения обо всем, что ты будешь делать, и почти обо всем, что ты будешь говорить. Надеюсь, что, получив эти обстоятельные сведения, я смогу сказать о тебе то, что Веллей Петеркул⁴ говорит о Сципионе, что за всю жизнь он «*nihil non laudandum aut dixit aut fecit, aut sensit*».²⁴

В Лейпциге ты встретишь множество достойных людей, и мне хочется, чтобы, закончив свои дневные занятия, ты проводил в их обществе вечера. Там есть нечто вроде двора, который держит вдовствующая герцогиня Курляндская; мне хочется, чтобы тебя туда ввели. В Лейпциг приезжает также два раза в год на ярмарку король польский со своим двором, и я напишу сэру Чарлзу Уильямсу,⁵ королевскому посланнику, чтобы он представил тебя и ввел в хорошее общество.

Должен только заметить, что вряд ли тебе будет смысл посещать хорошее общество, если ты не окажешься под стать ему и не усвоишь манеры, которые его отличают, если ты не будешь стараться нравиться людям и не покажешь себя юношей воспитанным, умеющим держаться с той непринужденностью, которая свойственна настоящему светскому человеку. Следя за своими манерами, не пренебрегай и наружностью: помни, что ты должен всегда быть очень опрятно и изящно одет и всегда обходителен, что надо стараться всячески избегать неприятных для окружающих поз и неловких жестов; есть ведь немало людей, у которых все это вошло в привычку, и они уже не могут себя переделать. Помнишь ли ты, что надо полоскать рот – по утрам и каждый раз после еды? Это совершенно необходимо, для того чтобы надолго сохранить зубы и тем самым избавить себя от многих мучений. Мои зубы доставили мне немало страданий, и сейчас вот они выпадают только потому, что, когда я был в твоём возрасте, я недостаточно им уделял внимания. Хорошо ли ты одеваешься и не слишком ли хорошо? Достаточно ли следишь за тем, какой у тебя вид и манеры, когда появляешься где-нибудь, и не держишь ли ты себя при этом слишком развязно или слишком натянуто? Все это требует некоторых усилий и произвольного внимания; наши истинные достоинства приобретают тогда дополнительный блеск. Лорд Бэкон⁶ говорит, что приятная наружность – это вечное рекомендательное письмо. Вне всякого сомнения это приятный предвестник истинного достоинства, – она расчищает для него путь.

²² О праве военного и мирного времени (*лат.*).

²³ Публичное право Империи (*лат.*).

²⁴ не сказал, не сделал и не почувствовал ничего, что не заслуживало бы похвалы (*лат.*).

Не забудь, что я увижусь с тобою в Ганновере летом и буду ждать от тебя во всем совершенства. Если же я не обнаружу в тебе этого совершенства, или хотя бы чего-то очень близкого к нему, мы вряд ли с тобою поладим. Я буду расчленять тебя, разглядывать под микроскопом и поэтому сумею заметить каждое крохотное пятнышко, каждую пылинку. Мое дело – предупредить тебя, а меры ты принимай сам. Твой.

XXIII

Лондон, 7 августа ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

По моим подсчетам, письму этому трудно будет застать тебя в Лозанне, но я все же рискнул послать его, ибо это – последнее письмо, которое я напишу тебе до тех пор, пока ты не обоснуешься в Лейпциге. С последней почтой я послал тебе рекомендацию к одному из самых влиятельных людей в Мюнхене; письмо это я вложил в конверт, адресованный м-ру Харту. Постарайся вручить его со всей возможной вежливостью. Лицо это, конечно, представит тебя семье курфюрста.¹ Надеюсь, что, проходя всю эту церемонию, ты выразишь себя человеком почтительным, хорошо воспитанным и поведешь себя непринужденно.

Так как это первый в твоей жизни двор, справься, нет ли там каких-либо особых обычаев и церемоний, чтобы не попасть впросак. В Вене мужчины часто приседают перед императором, вместо того чтобы отвешивать ему поклоны; во Франции никто не отвешивает поклонов королю и не целует ему руку, но в Испании и в Англии поклоны отвешивают и руку целуют. Таким образом, у каждого двора есть те или иные особенности, и люди, едущие в страну, должны предварительно узнать их, чтобы избежать путаницы и неловкости.

Мне сейчас очень некогда, и я могу только пожелать тебе счастливого пути в Лейпциг. Желаю тебе также быть очень внимательным, как в дороге, так и по приезде туда. Прощай.

XXIV

Лондон, 21 сентября ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

Получил с последней почтой твое письмо от 8 н. ст. и нисколько не удивляюсь тому, что тебя поразили и предрассудки папистов в Эйнзидлене,¹ и все нелепости, которые они рассказывают о своей церкви. Помни только, что заблуждения и ошибки в отношении взглядов, как бы грубы они ни были, если они искренни, должны вызывать в нас жалость, и не следует ни наказывать за них, ни смеяться над ними. Человека с ослепшим умом надо пожалеть так же, как и того, у кого ослепли глаза: и если в том и другом случае кто-нибудь сбивается с пути, он не виновен и не смешон. Милосердие требует, чтобы мы направили его на путь истинный, и милосердие же запрещает нам наказывать или высмеивать того, кого постигла беда. Каждому человеку дан разум, который им руководит и должен руководить, и хотеть, чтобы каждый рассуждал так, как я, все равно что хотеть, чтобы каждый был моего роста и моего сложения. Каждый человек ищет правды, но одному только богу ведомо, кто эту правду нашел. Поэтому несправедливо преследовать, а равно и высмеивать, людей за те убеждения, которые сложились у них в соответствии с их разумом и не могли не сложиться иначе.

Виновен тот, чьи слова или поступки заведомо лживы, а не тот, кто честно и искренне в эту ложь поверил. Я действительно не знаю ничего более преступного, более низкого и более смешотворного, чем ложь. Это – порождение злобы, трусости или тщеславия, но, как правило, ни одно из названных чувств не достигает с ее помощью своей цели, ибо всякая ложь рано или поздно выходит на свежую воду. Если я солгал по злобе, чтобы повредить доброму имени человека или его карьере, я, может быть, действительно на какое-то время нанесу ему вред, но можно с уверенностью сказать, что в конце концов больше всего пострадаю я сам, ибо, как только обнаружится моя ложь (а она вне всякого сомнения обнаружится), меня осудят за то, что я был так низок, и все, что бы я потом ни сказал в порицание этого человека, пусть даже это будет сущая правда, сочтут клеветой. Если я буду лгать или прикрываться двусмысленностью, а это одно и то же, для того чтобы оправдать какие-то слова свои или поступки и тем самым избежать опасности или стыда, которых боюсь, я сразу же выдам этим и страх свой, и ложь, и, таким образом, я не только не избавлюсь от опасности и позора, но лишь усугублю и то, и другое и к тому же выкажу себя самым подлым и низким из людей, – и можно быть уверенным, что ко мне так и будут относиться до конца моих дней. Страх, вместо того чтобы отвращать опасность, ее накликает, ибо тайные трусы начинают клеймить явных. Если человек, на свое несчастье, совершил какой-то проступок, самое благородное, что он может сделать, это откровенно признаться в нем – это единственная возможность искупить его и получить за него прощение. Увиливание, увертки, подтасовка, для того чтобы избежать опасности или неудобства, настолько низки и выявляют такой безотчетный страх, что человек, прибегающий к ним, заслуживает только пинка и, кстати говоря, нередко его получает.

Есть и еще одна разновидность лжи, сама по себе безобидная, но до крайности нелепая, я говорю о лжи, порожденной неправильно понятым тщеславием; такого рода ложь сразу же компрометирует саму цель, ради которой возводятся все эти хитрости, и завершается смущением и посрамлением того, кто их измыслил. Сюда относятся главным образом ложь рассказчиков и ложь историков, назначение которой – безмерно прославить ее сочинителя. Он всегда оказывается героем созданий своей фантазии: он подвергался различным опасностям, которых, кроме него, никто никогда не мог избежать; он собственными глазами видел все то, что другие люди знают только из книг или понаслышке; на его долю выпало больше *bonnes*

fortunes,²⁵ чем он вообще когда-либо знал женщин; и за один день он ухитрился проделать столько миль, сколько ни один курьер никогда не проделывал за два. Ложь эта скоро разоблачается, и хвастун становится предметом всеобщего презрения и насмешки. Так помни же пока ты жив, — только строгая правда может быть водительницей твоей по свету и, лишь следуя ей одной, ты не осквернишь ничем ни совести своей, ни чести. Это делается не только во имя долга, но и ради твоих же собственных интересов, доказательством чего является то, что отменные дураки бывают в то же время и величайшими лжецами. Стоит только присмотреться к этим людям, и ты убедишься, что я прав. Сам я сужу о том, правдив ли человек, на основании того, насколько он умен.

Письмо это ты, очевидно, получишь в Лейпциге: жду, что, живя там, ты будешь внимателен и аккуратен, и требую этого от тебя, потому что до сих пор и того, и другого тебе очень не доставало. Помни, что, когда летом мы увидимся с тобой, я очень пристально тебя рассмотрю и никогда не забуду и не прощу тебе недостатков, от которых в твоей власти было уберечься или избавиться, и что, помимо м-ра Харта, в Лейпциге следить за тобою будет немало глаз. Прощай.

²⁵ побед (франц.).

XXV

Лондон, 9 октября ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик,

В твоём возрасте юноши бывают обычно до крайности простосердечны и легко могут поддаваться обману со стороны людей искушенных, которые потом злоупотребляют их доверием. Стоит какому-нибудь олуху или плуту сказать, что он их друг, как они этому верят и отвечают на его притворные излияния дружеских чувств опрометчивым и безграничным доверием, которое всегда вредит им, а нередко их даже губит. Ты вступаешь в свет – опасайся же людей, предлагающих тебе свою дружбу. Будь с ними очень учтив, но вместе с тем и очень недоверчив; отвечай им любезностями, но только не откровенностью. Не позволяй самолюбию твоему и тщеславию обольщать тебя мыслью, что люди могут стать твоими друзьями с первого взгляда или после непродолжительного знакомства. Подлинная дружба созревает медленно и расцветает только там, где люди действительно доказали ее друг другу.

Есть, правда, еще одна разновидность того, что принято называть дружбой: она сближает молодых людей и какое-то время бывает горячей, но, по счастью, длится недолго. Этой скоропелой дружбе способствует случай, сводящий людей вместе за разгулом и кутежом и скрепляющий их союз бесстыдством и пьянством. Нечего сказать, дружба! Ее скорее следовало бы назвать заговором против нравственности и приличия и наказывать за нее по суду. Однако у людей хватает бесстыдства и безрассудства называть этот сговор дружбой. Они одалживают друг другу деньги на разные дурные дела; в угоду своим сообщникам они ввязываются в ссоры, присоединяясь либо к нападающей, либо – к защищающейся стороне. Они рассказывают друг другу все, что знают, а иногда и больше. Так все происходит до той минуты, пока какой-нибудь неожиданный случай не разъединит их: после этого ни один из них уже больше не думает о другом, разве только для того, чтобы предать откровенные признания, которые тот так неосторожно сделал, и посмеяться над ними. Помни, сколь великая разница существует между случайными товарищами и настоящими друзьями: очень приятный и услужливый собутыльник может оказаться очень неподходящим и очень опасным другом, и в жизни так оно часто и бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.